

№5 • 2022

ЗАГАДКИ ИСТОРИИ

Открыта подписка на 2022 год! Подписной индекс П1981

ГАЗОВЫЕ АТАКИ ТУКАЧЕВСКОГО

КАК СТАЛИН ОБМАНУЛ СОЮЗНИКОВ

**ПРЕСВИТЕР
ИОАНН**
ЦАРЬ, КОТОРОГО
НЕ БЫЛО

**ПОЗОР ДОМА
ВИНДЗОРОВ
ПРИНЦЕССА
И КОНЮХ**

«У Англии нет постоянных друзей, есть только постоянные интересы!» – заявил британский премьер-министр еще в середине XIX века. Напомню, тогда под контролем Британской империи находилась почти пятая часть суши нашей планеты. Но чаще величайших достижений можно добиться не силой оружия, а политическими играми и интригами. Поэтому изощренные дипломаты подчас могут сделать больше, чем знаменитые полководцы.

Вот лишь один пример. После Полтавской битвы Петр I двинул свою армию во владения Османской империи, где был окружен полчищами турок. Царя вместе с войсками ждала неминуемая гибель.

«Соглашайтесь на все, кроме рабства!» – велел царь своим дипломатам, отправляя их на переговоры в ставку врага. Там, кстати, был и союзник Стамбула – шведский король Карл XII. Он жаждал реванша за Полтаву. Россия легко могла потерять территорию, где уже построили Санкт-Петербург. Однако талантливые дипломаты сумели заключить выгодный договор. Да еще и рассорили шведского короля с турецким султаном!

В начале 1945 года судьба мира решалась на переговорах лидеров союзных держав в Ялте. Именно здесь генералиссимус Сталин одержал, возможно, свою главную победу. Он сумел сделать Советский Союз великой державой, сравнимой с Британской империей. Общие интересы могут сделать друзьями и врагов. Пусть хотя бы на время.

Главный редактор
Дмитрий КРУЧЕНИН

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ

ВЕРСИЯ3
«Газовые атаки» Тухачевского

НЕВЕРОЯТНЫЕ АРТЕФАКТЫ 4-5
Крепость на реке

НАЗАД В СССР6-7
Талант по наследству

ВЛАСТЬ8-9
Править, но не управлять

ХРОНОГРАФ10-11

ИСЧЕЗНУВШИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ12-13
Венецианская республика

ЛЮДИ И ВЕЩИ14-15
Вращатель винтов

ЗЛОДЕИ16-17
Коварный Людовик XI

ДВОРЦОВЫЕ ТАЙНЫ18-19
Иберийская уния

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ20-22
Встреча в Ялте

ЗАБЫТОЕ РЕМЕСЛО 23
Да будет свет!

БАЙКИ ИЗ ПРОШЛОГО 24

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАГАДКИ 25

ЛЕГЕНДЫ ПРОШЛЫХ ЛЕТ26-27
Ревнитель православия

ЗАГОВОРЫ И МЯТЕЖИ28-29
Неугодный цезарь

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЛЮБВИ30-31
Принцесса и конюх

РЕЛИГИИ МИРА32-33
Царство пресвитера Иоанна

ВЕЛИКИЕ ПЕРВОПРОХОДЦЫ34-35
Романтичный ныряльщик

ИСТОРИЧЕСКИЙ СКАНВОРД 36

АРХЕОЛОГИ СООБЩАЮТ 37

ЖЕНЩИНА В ИСТОРИИ38-39
Голос интеллигенции

СОКРОВИЩЕ НАЦИИ 40
Кубок Нестора

«ГАЗОВЫЕ АТАКИ» ТУХАЧЕВСКОГО

**Легендарный маршал
не травил тамбовцев?**

Тезис о том, что при подавлении Тамбовского восстания в 1921 году будущий маршал Тухачевский безжалостно затравил газом «тысячи ни в чем не повинных крестьян», стал своего рода «притчей во языцех». Об этом говорят как об общеизвестном факте. Но так ли это было на самом деле?

В 1920 году в Тамбовской губернии вспыхнуло антибольшевистское восстание. Крестьяне, измученные продразверткой и тяготами Гражданской войны, выступили с оружием в руках против новой власти. По имени одного из руководителей мятежа — эсера Александра Антонова — все повстанческое движение в Тамбовской губернии стало называться «антоновским».

Свирепый приказ

В апреле 1921 года Политбюро назначило командующим войсками Тамбовской губернии одного из самых перспективных военачальников — молодого и амбициозного Михаила Тухачевского. А уже 12 июня 1921 года за подписью нового командующего вышел приказ №0116 о применении удушливых газов против повстанцев. В нем, в частности, говорилось: «Леса, где прячутся бандиты, очистить ядовитыми газами. Точно рассчитывать, чтобы облако удушливых газов распространилось полностью по всему лесу, уничтожая все, что в нем пряталось».

Ничего не скажешь — грозное распоряжение. Но не стоит спешить заламывать руки и оплакивать судьбы затравленных газом тамбовских крестьян. Прежде всего, не мешало бы узнать — каковы же, собственно, были практические последствия этого свирепого приказа?

На тот момент газовые атаки производились двумя способами: путем распыле-

ния газа из баллонов или с помощью обстрела территории химическими снарядами, содержащими отравляющие вещества.

Так вот, баллонов с ядовитыми газами в распоряжении Тамбовского командования просто не было. За помощью пришлось обращаться в Москву. Военное руководство весьма скептически встретило предложение о проведении газовых атак, но баллоны в количестве 250 штук выделило. Однако по прибытии необходимых боеприпасов выяснилось другое обстоятельство: единственное подразделение в Тамбовской области, способное проводить газовые атаки, — 1-я Отдельная химическая рота — оказалось абсолютно не готово к выполнению такого задания. Вот как оценивало ее состояние местное командование: «Отсутствие комсостава и обмундирования, учебные занятия не ведутся, люди совершенно не обучены и хитрота в отношении газо-борьбы является абсолютно не подготовленной и не боеспособной». Итог — проводить газобаллонные атаки в Тамбовской губернии было некому, так что этот вариант борьбы с повстанцами отпал сам собой.

Все живы

Однако в распоряжении Тухачевского еще оставались химические снаряды, которые тоже были присланы из Москвы в количестве 2 тысяч штук. Исползовать их было значительно легче — это были

обычные снаряды, только начиненные отравляющими веществами. А уж обученные артиллерийские части в Тамбовской губернии имелись. И действительно — на обстрел повстанцев химическими снарядами красное командование возлагало большие надежды. Увы, они не оправдались.

Первая попытка провести полноценную газовую атаку имела место при очистке Паревского леса от повстанцев. В самом начале операции, 2 августа 1921 года, красная артиллерия выпустила 59 химических снарядов по острову Сухие Дубки, где, по имеющимся у советского командования данным, скрывался сам предводитель повстанцев Антонов. После чего советские части прочесали остров. Единственное, что им удалось там обнаружить — это три привязанные к деревьям лошади.

То ли антоновцы успели выйти из-под обстрела, то ли их вообще не было на острове, но никаких потерь повстанцы от этой бомбардировки не понесли. Единственными

трофеями красных были эти три бедные лошадики — кстати, благополучно пережившие «газовую атаку»! Это и не удивительно: ведь для того, чтобы создать ядовитое облако необходимой концентрации, 59 химических снарядов было явно недостаточно.

Помимо этой неудачной попытки «выкурить бандитов» из леса, зафиксировано еще два случая спонтанного применения красными химических снарядов. В бою у деревни Смольная Вершина советские части выпустили по противнику 15 химических снарядов. А в бою южнее озера Ильмень красные артиллеристы применили 50 химических снарядов. Ни в том, ни в другом случае никто не пострадал — опять же банально не хватило снарядов!

Подведем итог. От пресловутых «газовых атак» Тухачевского в Тамбовской губернии не пострадал ни один человек. А «сотни и тысячи удушенных газом тамбовских крестьян» являются всего лишь банальным журналистским вымыслом.

Марат КУРАМШИН

Почему епископу пришлось перенести «проклятый» собор

КРЕПОСТЬ НА РЕКЕ

Юго-Западная Англия интересна своими достопримечательностями разных эпох. Тут вам и Стоунхендж, и менее известный мегалит Эйвбери, и Солсберийский собор. Но совсем рядом со всем этим находятся развалины целого комплекса сооружений, известного как поселение Старый Сарум.

Маленький городок Солсбери всегда был популярен разве что у любителей церковной истории. Они специально приезжали посмотреть на один из самых высоких готических соборов в средневековой Европе. Основная масса туристов рвалась к другой достопримечательности — знаменитому Стоунхенджу. Но мало кто знает, что вблизи Стоунхенджа и Солсбери находится одинокий холм с заброшенным поселением и замком — Старый Сарум.

Обжитое местечко

Холм, где впоследствии вырос Старый Сарум, привлекал людей еще в эпоху неолита. Он замечательно возвышался над окрестной равниной, а рядом протекала река Эйвон — иными словами, здесь имело все необходимое для жизни. Так что за 3 тысячи лет до нашей эры на этом холме

появились первые поселения. Между прочим, Стоунхендж находится от холма всего-то в 10 километрах севернее. Более того, там же сходились два ведущих торговых пути древности, а по реке Эйвон можно было спуститься до самого моря. Немудрено, что холм сначала облюбовали охотни-

ки каменного века, а затем и оседлые земледельцы.

К середине I тысячелетия до нашей эры здесь даже возникло крупное городище с двойными оборонительными валами и рвами, а также входом с восточной стороны. В длину это укрепленное поселение занимало 400 ме-

тров, в ширину — 360 метров. Городище в этом районе Уилтшира было отнюдь не единственным в эпоху железного века, поблизости найдены и другие археологические объекты того времени — Дейнбери, Сидбери-Хилл, Лагерь Веспасиана, Кэстерли-Кэмп, Ярнбери-Касл, Фигсбери-Ринг, Огбери-Кэмп и так далее.

Но если такие места, как Стоунхендж, перестали выполнять свои функции в доисторическую эпоху, то Старому Сарум повезло больше. Поселения здесь регулярно возобновлялись. Во второй половине I века нашей эры на холме обосновалось бежавшее из Галлии от римского завоевания белгское племя атребатов во главе со своим вождем — королем Коммиусом (Коммием). Его детям пришлось, конечно, покориться власти римлян, но на своих условиях — хоть и ненадолго, эти беглецы создали собственный город Регни. Сарум был их крепостью. Но когда один из этих зависимых от римлян королей, Верика, захотел освободиться от опеки, в Британию пришли легионеры императора Клавдия. С белгами они быстро покончили, земли Британии покорили, а обжитой холм стал отличным местом для обустройства римской крепости. Этот форт завоеватели назвали *Sorbidunum*, то есть «крепость на тихой реке».

В 552 году, после ухода римлян, *Sorbidunum* захватил мелкий англосаксонский вождь Кинрик, который вел свою родословную от самого Одина и происходил из королевского семейства, участвовавшего в 495 году в высадке англосаксонских завоевателей в Кердикессоре. Новым хозяевам Уэссекса пришлось долго и упорно сражаться с местными бриттами, но в том самом 552 году в решающем бою с их войском у Сирибери, или Сарисбури (так англосаксы называли латинский *Sorbidunum*), Кинрик нанес врагу сокрушительное поражение и вскоре стал хо-

Англосаксам пришлось укрыться в крепости от набегавших викингов

зьяном всего Уильстетана – то есть речных долин Уайли и Эйвона.

К IX веку англосаксонские короли уже прочно сидели на троне. Они даже успели принять христианство. Тут-то и пришла новая напасть – викинги, в основном датчане. Эти морские разбойники налетали внезапно и грабили наименее защищенные земли. А короли к тому времени предпочитали строить свои городки в уютных долинах, а не на продуваемых ветрами холмах. Но, спасаясь от набегов, они вспомнили о заброшенных крепостях. И резиденция короля Эгберта Уэссекского спешно переехала в Сарисбури, то есть Старый Сарум. Здесь даже появился монетный двор, а веком позже заседал национальный совет короля Эдгара.

По воле Вильгельма

Но настоящий расцвет Сарисбури наступил после вторжения в Британию герцога Нормандии Вильгельма Завоевателя. Не прошло и трех лет, как он повелел возвести на холме замок в стиле «мотт и бейли». Это было фортификационное укрепление европейского типа – с плоской площадкой на вершине крутого холма, которая называлась «мотт», обнесенный стеной внутренний двор, окруженный рвом и земляным валом, а также первой линией обороны – палисадом из прочных тесаных бревен. Сам замок находился внутри этой оборонительной конструкции и был дополнительно защищен подъемным мостом. Замок Сарисбури был деревянным и состоял из нескольких жилых и хозяйственных зданий, там имелись помещения для слуг, кухня, мастерские, кузница, конюшня, казармы и, разумеется, – часовня или домашняя церковь.

В 1075 году церковный совет Лондона объединил в одну епархию кафедры Шерборна и Рамсбери и создал Сериберенсийское, то есть Солсберийское, епископство. Все бы хорошо, но собственного кафедрального собора в городке не было. Пришлось монсеньору Герману, первому епископу Старого Сарума, совместно со

Старый Сарум привлекает гораздо меньше туристов, чем находящийся недалеко Стоунхендж

святым Осмундом, кузеном самого Вильгельма, затеять грандиозную постройку. Они решили возвести не только большой каменный собор, но и достойный дворец для самого епископа. За время строительства успел умереть епископ Герман. А значение городка, название которого записывалось в документах каждый раз по-новому, росло и росло.

В 1086 году Вильгельм собрал там весь цвет тогдашнего общества – церковных иерархов, рыцарей, судей, шерифов, именитых феодалов, – чтобы объявить о создании Книги Судного дня и введении единого налогообложения и потребовать присягнуть на верность. Текст Книги должен был храниться в стенах строящегося собора. В 1092 году сооружение было наконец-то достроено, освящено и торжественно открыто. Но – увы! – новый собор простоял около пяти дней и был разрушен во время бури.

За дело немедленно взялся новый епископ – монсеньор Роджер, или Роже ле Поер. Он не только отремонтировал то, что можно было спасти, но и вдвое увеличил строение в размерах и выложил полы белым и зеленым камнем, а вместо епископского дома вырос полномасштабный церковный квартал. Работа была завершена только к 1120 году. 10 годами позже он взялся и за строительство нового, каменного королевского дворца. От него практически ничего не осталось, но археологи считают, что некоторые залы достигали в длину 60 метров. Но собор и дворец радовали глаз недолго.

Борьба духовного и мирского

В 1150 году при новом епископе Джоселине де Бохоне собор в Саруме стал местом паломничества, и его значение в средневековом мире значительно возросло. Епископ взялся за перестройку здания, но завершить ее не успел – его обвинили в елэгитимной коронации сына Генриха II Плантагенета и в конце концов сослали в монастырь. Его преемник делами собора мало интересовался и отправился с Ричардом Львиное Сердце в Крестовый поход, а сменивший его в 1194 году епископ Генрих Пур довел Сарумский собор до полного запустения.

Посетивший Сарум в XIII веке теолог Пьер де Блуа описывал эту постройку как пленницу на холме, где она возведена, подверженную гнев ветров, точно ковчег Завета, запертый в доме Ваала! Очевидно, состояние церкви было ужасающим. Городок,

в котором прежде кипела жизнь, тоже находился в упадке. Колодцев «со сладкой водой», как описывали ее некогда паломники, теперь не хватало. Собор периодически постигало бедствие за бедствием – то молния попадет в шпиль, то принесут разрушение ураганные ветры.

И епископ за епископом, которых назначали в Сарум, стали просить разрешения перенести злополучный собор в другое место. Нельзя все время ожидать новой угрозы. К тому же у церковной и мирской власти начались ссоры. И однажды, когда монахи вернулись ночью с крестного хода, они вдруг обнаружили, что двери собора заколочены досками по приказу шерифа. Доски монахи отодрали, но вскоре епископ получил прямой королевский приказ: собор закрыть, разобрать и перенести на новое место на солсберийской равнине – то самое, где сегодня находится городок Солсбери. В 1226 году старый собор был официально закрыт, жители перебрались поближе к новому, а спустя 100 лет по приказу короля Эдуарда II был снесен и сарумский замок.

И с XIV столетия городок на холме стал практически необитаемым. Но, хотя живых обитателей в Старом Саруме нет, он необычайно интересен как археологический памятник. Он защищен английским законодательством и систематически с 1909 года подвергается научным изысканиям.

Николай КОТОМКИН

Модель укрепленного поселения с собором

ТАЛАНТ ПО НАСЛЕДСТВУ

Есенин-младший стал гением футбола и строителем «Лужников»

Во времена Сергея Есенина футбол в России уже был, но вряд ли поэт мог представить, что его сын станет ведущим футбольным статистиком СССР и инженером стадиона имени Ленина. А еще Константин Есенин, кавалер трех орденов Красной Звезды, будучи много раз женат, отказывался делиться со вторыми половинами легендарной фамилией.

Всеволод Мейерхольд стал отчимом для детей Зинаиды Райх

Константин Сергеевич Есенин (1920-1986) – сын Сергея Есенина и актрисы Зинаиды Райх. А еще приемный сын режиссера Всеволода Мейерхольда. Как известно, Есенин повесился в 1925 году, его сыну было пять лет, впрочем, тот с ним вообще не общался. Родители развелись, когда Константину был год. Конечно, отца он поэтому несколько недолюбливал. Хотя фамилией подспудно, видимо, гордился. Даже отказался предоставлять ее четырем женам – что-то в этом есть фрейдистское.

Строитель и фронтовик

Футбольная статистика – вещь, неспециалистам не очень понятная и боль-

ше знакомая фанатам игры и цифр. Математическая музыка. В СССР, пожалуй, было два ведущих футбольных статистика – Константин Есенин и Аксель Вартамян (он еще жив). Говоря современным языком футбола, Есенин смотрел на игры как аналитик. Почему, допустим, с правого фланга идет меньше передач, чем с левого – это вина профильного крайнего защитника, недостаточная поддержка правого защитника или опорник меньше страхует правый фланг при потерях? На первый взгляд сказать трудно, но цифры расскажут. Ну и в отсутствие Интернета (да и спортивного телевидения, по большому счету, тоже) именно «бумажные» статистики футбола (и всего другого)

подарили нам базу данных, по которой можно понять историю того времени. Да и вообще вместо статистика Константина Есенина можно назвать футбольным историографом. Сам он, кстати, называл себя «футбольным грас-сбухом».

И, конечно, важно, что Есенин-младший хранил уникальные рукописные записи отца и отчима, ныне, к сожалению, почти утраченные. В советское время они не ценились: автор славянской пронзительности Есенин считался слишком «русским» поэтом, а создатель актерской «биомеханики» Мейерхольд – чересчур «еврейским» и «немецким».

А вообще, Константин Сергеевич Есенин был инженером-строителем, и тут он тоже оказался причастным к футболу, точнее, к футбольной стройке века. Это стадион имени В.И. Ленина в Москве, он же ныне видоизмененные к Чемпионату мира – 2018 «Лужники».

Большая спортивная арена Центрального стадиона имени Владимира Ленина (полное название) была открыта в 1956 году, а построена всего за 15 месяцев! Умели же. Ведь впереди был Всемирный фестиваль молодежи и студентов. И Есенин был одним из инженеров уникального объекта на Воробьевых горах. А также был инженером-строителем обычных жилых домов послевоенной Москвы. А еще специализировался на кинотеатрах, которые позже у нас называли «типовыми». В 1970-е годы он находился на крутой должности главного специалиста Госстроя РСФСР.

А до этого была война, на которую Есенин ушел добровольцем, будучи студентом МИСИ. Уже в ноябре 1941 года попал на Ленинградский фронт в 92-ю стрелковую дивизию. На фронте получил два ордена Красной Звезды (третий дал в 1970-е), есть и медаль «За оборону Ленинграда», а еще три ранения, одно тяжелейшее – разрывная пуля в легкое. Как и все настоящие фронтовики, темы войны избегал, о чем свидетельствовали лучшие друзья. Известно, что он участвовал в радиокомментарии одного из бло-

кадных матчей в Ленинграде (играли команды «Металлический завод» и «Динамо»).

Клубы Федотова и Яшина

Еще несколько слов про футбол. Константин Есенин довольно серьезно им занимался в молодости, а также играл за разные заводские коллективы лет до 50. Его важная роль – в 1967 году для еженедельника «Футбол-Хоккей» (самое авторитетное советское издание на тему) придумал так называемый «Клуб Григория Федотова», сборник лучших бомбардиров советского футбола, которых увековечили. Это те, кто забил 100 и более мячей на высшем уровне (чемпионат, сборная и еврокубки). Сначала в него были включены 13 футболистов, от самого Федотова до малознакомых широкому читателю Заура Калоева или Виктора Ворошилова. Сейчас в этот клуб входят и современные, к примеру, дует нападающих «Зенита» Артем Дзюба и Сердар Азмун.

Константин Сергеевич получил три ордена Красной Звезды в Великую Отечественную

А еще Есенин поддержал статистика из Кривого Рога Николая Жигулина, который в 1980 году предложил создать «Клуб Льва Яшина» для вратарей, сыгравших более 100 матчей всухую, то есть без пропущенных мячей. В него вошли в первое время девять вратарей. Помимо Яшина мы точно помним Владимира Маслаченко, Анзора Кавказашвили, Евгения Рудакова. Наш

Стадион им. В.И. Ленина («Лужники»), в строительстве которого участвовал Есенин

современник Игорь Акинфеев, играющий до сих пор за ЦСКА, возглавляет клуб – 337 нулевых матчей (у Яшина – 204). Тут как раз важна работа статистика, который скорее уже историк – в режиме малых коммуникаций и при отсутствии электронных носителей единственным источником информации о матче был лишь протокол игры, бумажный, в единственном экземпляре, с которым могло в любой момент случиться все что угодно.

«В СССР был популярнее отца»

В завершение приведем интересный диалог из газеты «Спорт-экспресс» журналиста Юрия Голышака с другим журналистом, одним из ведущих в спорте в советское время, 86-летним Сергеем Шмитко (декабрь 2021 года), который долгое время работал в журнале «Футбол-Хоккей»:

– Известный футбольный статистик – сын Сергея Есенина Константин. Вы же дружили?

– Дружили. Как говорила его сестра Татьяна, Костя перещеголял в славе отца... В то время – точно! Константин был популярнее отца – слава футбольного статистика была колоссальная! Есенина считали высшей инстанцией в футболе. Вы знаете, что у него было три ордена Красной Звезды?... А футбол у него был, как сам выражался, «для досуга». Хотя видел его совершенно особенным образом. Не как все. Вообще – человек реликтовой породы.

– Была еще любопытная деталь – при всем обилии жен Константин Есенин ни одной не дал свою фамилию.

– Он это подчеркивал!.. Так и говорил: «Ни одна не получила фамилию». Гуляли по

Лужникам во время Олимпиады, заговорили вдруг про женскую логику, натуру. Так убедительно рассуждал! А подытожил этим – «ни одна не стала Есениной».

– Много было жен?

– Порядочно. По этой части в их семье все были мастера.

– Где легендарный футбольный архив Константина Есенина?

– Какие-то темные дела. Сгинул. А хранился на старой дачке. Кажется, в Малаховке (на самом деле – в Балашихе, – Прим. ред.). С ней смешная история. На зиму Есенин уезжал в Москву – и всякий раз эту дачку обкрадывали. Уносили все подчистую! Так Константин Сергеевич специально оставлял какой-то поломанный телевизор. Еще что-то ненужное. Жулики приходили – это и вычищали... А наверху, на чердаке, лежали ценнейшие бумаги – и не только футбольные! Документы, письма Мейерхольда, что-то от отца. На чердак тоже забирались. Рваные штаны уносили – письма Мейерхольда оставляли.

– Мать Константина, Зинаида Райх, как-то странно погибла.

– Ее бандиты убили. Между прочим, основная есенинская лирика посвящена Зинаиде Райх.

– Но сына Константина Есенин не признавал.

– Да, писал – «он черный, он жид. Вот Таня беленькая, русачка, она моя...» Это в книгах есть. Хотя Таня – тоже дочка от Зинаиды Райх!

– Про отца с ним говорили?

– Вообще ни разу... Но было ощущение – все время ждешь, что я начну спрашивать. Про отца, про войну, про Мейерхольда... Услышит какой-то стих – и усмехнется. Я однажды говорю: «Разве кого-то можно сравнить с Есениным?». Он: «Да бросьте... У него столько плохих стихов!»

– Воевал-то Константин Есенин героически.

– Да, орден Красной Звезды за выслугу лет не давали. Для фронтовиков орден особенный. Как солдатский «Георгий» – награждали без заполнения бумаг. Своим приказом мог присвоить командир части. Им заранее выдавали корочки с орденами. Отличился солдатик – получай прямо в окопе!

Сестра Константина Татьяна, которая почти всю жизнь провела в Ташкенте, про популярность брата как-то рассказывала с юмором: «При полете в аэропорту у меня проверили документы – о, Есенина! Константин Есенин вам не родственник? Про отца как-то никто и не спрашивал никогда».

Похоронен Константин Сергеевич Есенин рядом с матерью на Ваганьковском кладбище. Не так далеко от отца, к слову.

Евгений КОЛЕСНИКОВ

Сын поэта был футбольным аналитиком